

УДК 327

DOI: 10.34670/AR.2021.20.74.010

Проблемы безопасности и сотрудничества между США и Турцией

Хлопов Олег Анатольевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются противоречия в американо-турецких отношениях в контексте усиления регионального влияния Турции и геополитических изменений в мире. Соединенными Штатами подчеркивается важность Турции как стратегического партнера НАТО. Некоторые конкретные действия Турции подняли вопросы о приверженности Турции НАТО и общей стратегической ориентации. В 2019 г. вторжение Турции на северо-восток Сирии и принятие компонентов для российской системы ЗРК С-400 довели двустороннюю напряженность до кризисного уровня. События в Сирии и попытка государственного переворота в Турции в 2016 г, заставили президента Турции Реджепа Эрдогана действовать более независимо от США и наладить более тесные связи с Россией. Стратегии, цели и политика США и Турции в последнее время расходятся.

По мнению автора, геополитические и социально-экономические изменения в Турции свидетельствуют от отхода прозападного вектора внешней и внутренней политики Турции. В условиях растущего влияния КНР, России и других стран США пытаются создать условия для установления баланса сил против быстро растущего Востока, и они хотят видеть в Турции, по-прежнему, своего стратегического партнера.

Для цитирования в научных исследованиях

Хлопов О.А. Проблемы безопасности и сотрудничества между США и Турцией // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 1А. С. 95-106. DOI: 10.34670/AR.2021.20.74.010

Ключевые слова

Региональная безопасность международные отношения, конкуренция, США, Турция, Россия.

Введение

Сотрудничество между США и Турцией началось с 1831 г., когда Соединенные Штаты установили дипломатические отношения с Османской империей. После Первой мировой войны и основания Турецкой Республики США восстановили дипломатические отношения с Турецкой Республикой в 1927 г.

Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, подписанное 12 июля 1947 г. между США и Турцией, продвинуло эти отношения еще дальше. Соглашение реализовывало доктрину Трумэна и его политику «по поддержке свободных народов, которые сопротивляются попыткам подчинения со стороны вооруженных меньшинств или внешнего давления».

В статье рассматриваются проблемы американо-турецких отношений в области безопасности и усиления влияния Турции как региональной державы, которая стремится играть одну из ключевых ролей в регулировании военных конфликтов, а также раскрываются разногласия между США и Турцией по проблемным вопросам двухсторонних отношений.

Автором анализируется текущая политическая напряженность между США и Турцией и возможные способы ее преодоления. Эти две страны были стратегическими союзниками, по крайней мере, с конца Второй мировой войны Турция стала членом НАТО и участвовала со своими вооруженными силами в Корейской войне, а во время «холодной войны» защищала южный фланг НАТО. Военные и разведывательные службы Турции поддерживали тесные отношения со своими западными и израильскими коллегами. Эти отношения не обходились без проблем, в основном из-за разногласий по поводу прав меньшинств и гражданских прав в Турции, а также из-за турецкого вторжения на Кипр в 1973 г. и продолжающейся напряженности в отношениях с Грецией.

Особые отношения с Соединенными Штатами были подвергнуты последнему испытанию после того, как в 2002 г. к власти пришла консервативно-популистская исламская политическая партия «Справедливость и развитие» и ее нынешний лидер Реджеп Тайип Эрдоган. Турция выступила против вторжения США в Ирак в 2003 г. и смены режима в Ливии при поддержке НАТО в 2011 г. Совсем недавно Турция имела напряженные отношения с Кипром, Грецией и Израилем, всеми ключевыми союзниками США, и при вторжении в Сирию в октябре 2019 г. выступила против курдских сил, объединившихся с вооруженными силами США в борьбе против ИГИЛ (запрещенного в России) в Ираке и Сирии, и все это на фоне сближения с Россией.

Анализ научной литературы показывает, что Турция является важным актором на Ближнем Востоке, и, несмотря на ряд существенных разногласий, США хотят видеть ее своим стратегическим партнером. Внимание исследователей к отношениям между США и Турцией определяется важным влиянием, которое эти страны оказывают на динамику развития событий в ближневосточном регионе и участием в них Турции как члена НАТО¹ [Beyoghlow, 2020].

Сотрудничество в области безопасности. Турция - важный партнер США в сфере безопасности, является членом НАТО с 1952 г., и стала лидером миссии решительной поддержки Североатлантического союза в Афганистане, и является важным членом НАТО на Востоке, контролируя, в соответствии с международными конвенциями, проливы Босфор и

¹ Beyoghlow K. Turkey and the United States on the Brink: Implications for NATO and the US-Turkish Strategic and Military Partnership. Department of Defense (DOD). Kindle Edition. 2020.

Дарданеллы, соединяющие Черное море со Средиземным морем.

Как жизненно важный член Коалиции по борьбе с ИГИЛ, Турция предоставила свои военные базы Соединенным Штатам их партнерам по коалиции в июле 2015 г. Турция вносит свой вклад в международную безопасность вместе с силами США в Афганистане, на морях, граничащих с Сомали, и в Средиземном море. Турция граничит с Грецией, Болгарией, Грузией, Арменией, Азербайджаном, Ираном, Ираком и Сирией и является ключевым партнером США в политике в этом регионе² [Flangan, 2020]

Соединенные Штаты осудили попытку государственного переворота в Турции 15 июля 2016 г., и продолжают подчеркивать важность приверженности турецкого правительства политике и действиям, которые укрепляют доверие общества к демократическим институтам страны и верховенству закона, как соблюдение обязательств в области прав человека.

Двусторонние американо-турецкие экономические отношения. Хотя общий объем торговли между США и Турцией вырос с \$10,8 млрд. в 2009 г до \$20,7 млрд. в 2019 г., он остается скромным по сравнению с его потенциалом. В 2019 г. США и Турция договорились работать над увеличением годовой двусторонней торговли до \$100 млрд. в год.

В 2018 г. Турция стала 28-м по величине рынком экспорта товаров США и 33-м крупнейшим поставщиком импортных товаров. Турция является крупнейшим покупателем американского СПГ в мире и развивающимся региональным энергетическим центром. Прямые инвестиции США в Турцию связаны с производством, оптовой торговлей, финансами и страхованием [Albright, 2012].

Для удовлетворения своих потребностей в области безопасности, экономики и энергетики Турция сотрудничает с США и рядом других стран, Экономические показатели Турции во многом зависят от поддержания диверсифицированной глобальной торговли энергетическими ресурсами и инвестиционных связей, в том числе с Западом. Географическое положение Турции позволяет выступать ее в качестве транзитного государства по поставкам углеводородов с Ближнего Востока, Центральной Азии и Кавказа в Европу. Как и крупные державы, Турция, милитаризируют свой подход к энергетической безопасности [Хлопов, 2020].

Ключевые факторы в отношениях между США и Турцией.

В период первого срока президентства Б.Обамы сотрудничество между США и Турцией носило характер партнерства, На начальном этапе «арабской весны» США и Турция имели общие интересы и схожие взгляды на происходящие события в регионе. Администрация Б. Обамы поддержала стремление Турции играть одну из ключевых ролей в смене режима Б. Асада в Сирии, т.к. Турция рассматривалась как образец мусульманской страны, которой удалось сформировать демократическую систему управления по западному образцу. Однако последствия затяжного характера сирийского кризиса и изменения позиций США и Турции, привели к противоречиям в американо-сирийских отношениях. Американские и европейские эксперты стали обвинять Эрдогана в поддержке джихадистов, в ущемлении прав и свобод граждан, при этом аналитики высказывают озабоченность относительно авторитарного стиля правления президента Турции Реджепа Эрдогана [Parlar, 2016].

² Flanagan S.J., Larrabee F.S., Binnendijk A. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. RAND Corporation. 2020.

Со своей стороны Анкара отказалась присоединиться к созданной США в сентябре 2014 г. международной антиигиловской коалиции несмотря на давление со стороны США. Напряженность между США и Турцией подняла вопросы о будущем двусторонних отношений и привела к действиям со стороны Конгресса против Турции, включая приостановления крупных продаж новых вооружений, таких как модернизация самолетов F-16, и попытки ввести санкции. Тем не менее, официальные лица обеих стран подчеркивают важность продолжения американо-турецкого сотрудничества и сохранения членства Турции в НАТО.

Традиционно в Турции тесно полагался на США и НАТО в вопросах сотрудничества в области обороны, на европейские страны в вопросах торговли и инвестиций, а также на Россию и Иран в вопросах импорта энергоносителей. Ряд сложных ситуаций в регионе, прилегающем к Турции, включая те, которые связаны с Сирией, Ливией, Нагорным Карабахом и освоение энергоресурсов Восточного Средиземноморья - влияют на его отношения с США и другими ключевыми игроками, поскольку Турция стремится к более независимой роли.

Обеспокоенность президента Эрдогана по поводу сохранения своей парламентской коалиции с турецкими националистами может частично объяснить его действия в некоторых из упомянутых выше ситуаций. Сотрудничество Турции и России в некоторых областях расширилось. Однако усилия Турции по противодействию России на нескольких направлениях с относительно низкими затратами, использованием беспилотников, с некоторыми американскими компонентами, и сирийских наемников, предполагают, что сотрудничество Турции и России носит ситуативный, а не всеобъемлющий характер.

После заключения в 2019 г. соглашения Турции с правительством национального согласия Ливии о морских границах Восточного Средиземноморья и ее более активного участия в гражданской войне в Ливии, напряженность между Турцией в Восточном Средиземноморье и такими странами, как Кипр и Греция, усилилась на фоне ее соперничества с суннитскими арабскими государствами, такими как Египет, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Саудовская Аравия.

В этом контексте некоторые американские эксперты выступают за то, чтобы США изучили альтернативные механизмы базирования военных средств США и НАТО в Турция, включая возможный арсенал тактического ядерного оружия США на авиабазе Инджирлик.

Неудавшийся государственный переворот в июле 2016 г. в Турции, когда группа турецких военных пыталась, но не смог свергнуть президента Турции Реджепа Тайип Эрдогана и его правительство внес существенное осложнение в американо-турецкие отношения. Турецкие официальные лица обвинили в попытке государственного переворота лиц, связанных с движением Гюлена.

Мухаммед Фетхуллах Гюлен родился в Турции в 1941 г., бывший турок имам, работавший на государственном уровне, а теперь постоянно проживающий в США. Гюлен живет в уединении с несколькими своими сторонниками в Сейлорсбурге, штат Пенсильвания. Движение или сообщество Гюлена, широко известное как сторонников как Хизмет, («услуга» по-турецки), это множество частных лиц, образовательные учреждения и ряд организаций в Турции, США и других странах со связью с Гюленом или с его учением. Это учения исходят из явно турецкого бренда ислама, созданного влиятельным турецко-курдским духовным лидером Саидом Нурси (1877-1960), с элементами различных суфийских традиций ислама. Толкование ислама Гюленом осуждает терроризм и продвигает межконфессиональную и межкультурную идею о взаимопонимании, а в социально-политической сфере публично поддерживает «ценности демократии, универсальных прав человека и свободы».

Общественное мнение в Турции с подозрением относится к Гюлену. Хотя многие аналитики признали возможность участия движения Гюлена в попытке государственного переворота, американские и европейские официальные лица заявили, что нет существующих доказательств прямого участия Гюлена. Гюлен категорически отрицает какую-либо роль в заговоре, хотя он признал, что «не исключает участие в нем некоторых из его последователей».

Стратегическая ориентация Турции

Членство Турции в международных организациях. Турция принимала саммит G20 в 2015 г. и остается активным и заинтересованным членом G20. Турция является членом НАТО, ООН, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Всемирной торговой организации (ВТО), Черноморского экономического союза. Совет сотрудничества (ОЧЭС), Совет евроатлантического партнерства, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и Организация исламского сотрудничества (ОИС).

Турция также является наблюдателем при Организации американских государств, партнером по диалогу Шанхайской организации сотрудничества и партнером по отраслевому диалогу Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Турция является кандидатом на членство в ЕС и продолжает работать над вступлением. США исходят из того, что Турция, отвечающая критериям членства в ЕС, будет полезна в рядах ЕС, а что усилия Турции по соблюдению критериев, чтобы стать членом ЕС полезны для Турции.

Многочисленные очаги напряженности и военные операции Турции в различных регионах мира подняли в США и Турции вопросы о характере альянса между двумя странами, а также о приверженности Турции НАТО и ее западной ориентации. Тем не менее, официальные лица США и Турции утверждают, что двустороннее сотрудничество по ряду вопросов, включая региональную безопасность и борьбу с терроризмом, остается взаимно важным [Flangan, 2020]

Очевидно, что Турция стремится к более независимому внешнеполитическому курсу, чем когда-либо с момента вступления в НАТО в 1952 г., отчасти руководствуясь геополитическими и экономическими соображениями. Традиционно Турция тесно полагалась на США и НАТО в вопросах сотрудничества в области обороны, на европейские страны в вопросах торговли и инвестиций, а также на Россию и Иран в вопросах импорта энергоносителей. Сегодня ясно прослеживается курс на заинтересованность турецких лидеров в уменьшении зависимости Турции от Запада в плане обороны и в ослаблении на нее влияния Запада [Kadas, 2013].

Внутренняя политика может частично объяснять готовность турецкой правящей элиты координировать некоторые действия с Россией в Сирии и закупить российскую систему зенитной обороны С-400. Тем не менее, Турция сохраняет значительные разногласия с Россией, в том числе по поводу политического урегулирования конфликтов в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе.

Похоже, что турецкие лидеры разделяют свои партнерские отношения и соперничество с другими мировыми державами в зависимости от ситуации, отчасти в попытке уменьшить зависимость Турции от этих игроков и сохранить свои рычаги воздействия на них [Олейников, 2016].

История Турции как региональной державы и объекта агрессии великих держав выражается в широкой внутренней популярности националистических политических действий и дискурсов,

а также в симпатии к «неоосманской» риторике Эрдогана о восстановлении регионального престижа Турции.

Такой подход в некоторой степени отражает усилия президента Эрдогана по укреплению контроля внутри страны. Поэтому дружественная к исламистам партия АКП Эрдогана сохраняет парламентское большинство с более традиционно националистической партией, а усилия по сохранению поддержки в регионах страны придают турецкой политике националистический тон. В значительной степени националистическая внешняя политика также имеет прецедент еще до союзничества Турции с Западом в период «холодной войны» [Pierini, 2020].

Турецкая «жесткая сила»: использование дронов и прокси-сил в региональных конфликтах. В течение первого десятилетия пребывания Эрдогана на посту премьер-министра основным подходом Турции в регионе, было проецирование политического и экономического влияния или «мягкой силы» Турции, подкрепленное дипломатией и военными средствами. сдерживание.

Однако по мере того, как региональные беспорядки у границ Турции усилились с началом конфликта в Сирии, подход Турции резко изменился ввиду осознанных новых угроз. Это было особенно актуально после того, как Эрдоган, уже как президент страны, начал симпатизировать турецкими националистическими силам в 2015 г. и консолидировал власть после попытки государственного переворота в июле 2016 г.

В соответствии с этим модифицированным подходом Турция стала, в значительной степени, полагаться на «жесткую силу», чтобы усилить свое влияние в регионе. В частности, Турция сосредоточилась на относительно недорогом методе использования вооруженных беспилотных летательных аппаратов, и сирийских боевиков, которые выступают против сирийского правительства, включая северную Сирию и Ирак, западную Ливию и Нагорный Карабах. Отчасти потому, что дроны и прокси-силы ограничивают политические и экономические риски, и, как сообщается, они доказали свою эффективность в противодействии более дорогостоящим, но менее мобильным бронированным машинам и системам ПВО [Prothero, 2020].

Усилия Турции по противодействию России на нескольких театрах военных действий предполагают, что сотрудничество Турции и России носит ситуативный, а не всеобъемлющий характер, и что в некоторых из этих случаев интересы США и Турции могут пересекаться.

Расположение Турции вблизи нескольких глобальных горячих точек сделало постоянную доступность ее территории для размещения и транспортировки оружия, грузов и персонала необходимого для США и НАТО. С точки зрения интересов Турции вступление в НАТО стало вынужденным шагом с целью смягчение ее опасений по поводу посягательств со стороны соседей и как реакция на позицию Советского Союза после Второй мировой войны.

Помимо авиабазы Инджирлик рядом в городе Адана на юге Турции, другие ключевые объекты США/НАТО включают радар системы раннего предупреждения противоракетной обороны на востоке Турции и командование сухопутных войск НАТО в Измире. Турция также контролирует доступ к Черному морю и от него через свои проливы в соответствии с Конвенцией Монрё 1936 г.

Противоречия в американо-турецких отношениях

Напряжения между Турцией и другими членами НАТО подпитывают внутренние дискуссии между США и НАТО о продолжении использования турецких баз. В результате напряженности и вопросов о безопасности и полезности турецкой территории для активов США и НАТО

некоторые наблюдатели высказались за изучение альтернативных механизмов базирования в регионе [Snyder, 2019]. Некоторые отчеты предполагают, что потенциально расширенное военное присутствие США в таких местах, как Греция, Кипр и Иордания, может быть связано с опасениями по поводу Турции [Trevithick, 2019].

Отношения между США и Турцией имеют долгую сложную историю, и никакого не были простыми, «теплыми и дружескими». За последние годы в этих отношениях возникла напряженность. Накопленная серия кризисов и расхождение во взглядах на решение региональных проблем угроз мешают развитию этих отношений.

В отличие от отношений Турции с Европой, отношения с США по сути, представляют собой партнерство в области безопасности, которое было установлено в контексте «холодной войны». Однако в настоящее время новая геополитическая ситуация и расхождение в восприятии угроз стали доминирующей чертой американо-турецких отношений, и, как показывают трения между Турцией и Центральным командованием США (CENTCOM) по сирийскому кризису, военные связи становятся все более напряженными.

Одним из ключевых проблемных вопросов является покупка Турцией российских систем противовоздушной обороны С-400, что, по мнению многих на Западе, демонстрирует отход Турции от НАТО и США в сфере оборонных закупок и геополитической ориентации. Для Турции приобретение С-400, возможно, мотивировано соображениями не столько обороны, а скорее, у этой покупки есть и геополитическая мотивация. Эта сделка поддержала и укрепила отношения Турции и России, особенно в Сирии, после их нового сближения в 2016 г., после того, как Турция сбивла российский самолет в 2015 г.

Такое развитие событий глубоко беспокоит Вашингтон, который опасается, такой пример может открыть путь другим партнерам, таким как Индия, и сделать то же самое.

В более широком смысле взгляды Вашингтона и Анкары на международные отношения расходятся. В то время, когда США рассматривают Китай как системного соперника и отношения с Россией будут становиться все более напряженными, правящая коалиция в Турции, в которую входят президент Реджеп Тайип Эрдоган, а также евразийские группы и деятели, которые утверждают, что Турция должна более тесно сотрудничать с Россией и Китаем, полагают, что сегодняшняя международная система не является западнцентричной, как раньше. Поэтому Турции следует следовать своим интересам посредством более разнообразного геополитического баланса [Kadir, 2020]. Такое понимание международных отношений Турцией может показаться в Вашингтоне ненормальным, но для правящей коалиции в Анкаре это рассматривается как приспособление к новой норме в мировой политике.

Стратегическая автономия или снижение зависимости от Запада. стала одной из доминирующих концепцией в Турции при президенте Эрдогане. Многие аналитики и политики считают независимость, на которую намекает эта концепция, является основной целью современной внешней политики Турции.

Однако в своем применении такой внешнеполитический курс фактически означает уменьшение зависимости Турции от Запада, а не превращение Турции в автономного или независимого игрока в международных делах. Например, Турция менее громко заявляет о своей «стратегической автономии» по отношению к Китаю или России. Правительство Эрдогана, например, почти ничего не говорит о преследовании китайцами уйгурских мусульман, чтобы не вызвать враждебность с Китаем. Турция также проявляет крайнюю осторожность в отношении чувствительности и красных линий России [Аватков, 2019]. Сегодня такой подход представляет собой поиск сложного баланса в ее внешней политике: стремление уменьшить зависимость от

Запада приводит к ее активной внешней политике, усилению зависимости и уязвимости Турции в отношении России и КНР.

Таким образом, можно выделить пять кризисных моментов, испытавших американо-турецкие отношения в последние годы, которые, вероятно, будут в повестке дня администрации Байдена: 1) покупка Турцией российских систем противоракетной обороны С-400 и последовавшие за этим санкции США против Турции; 2) борьба против сирийских курдов; 3) кризис в Восточном Средиземноморье; 4) судебное дело против турецкого государственного банка Halkbank, связанное с санкциями США в отношении Ирана; и 5) взгляды Байдена на регресс Турции к демократии.

Несмотря на возникшие трения и противоречия бывший президент США Д. Трамп не принял в отношении Турции никаких возможных карательных мер. В этом плане его уход из Белого дома не сулит Анкаре ничего хорошего. На слушаниях 19 января 2021 г. по утверждению на пост госсекретаря Энтони Блинкен назвал Турцию «нашим, так называемым стратегическим партнером» в ответ на вопрос о покупке Турцией систем С-400; что свидетельствует об отношении новой администрации к Турции [Blinken, 2021].

Американские эксперты Майкл О'Ханлон и Омер Тэспинар утверждают, что США должны открыто критиковать усиление автократии Эрдогана, но в то же время США также должны быть реалистами. Эрдоган по-прежнему возглавляет важную страну, и является единственным человеком, с которым Соединенные Штаты могут попытаться вести бизнес, даже если между двумя странами существуют серьезные разногласия. У новой администрации возникнет соблазн наказать Турцию за ее многочисленные проступки: автократические методы президента Реджепа Тайипа Эрдогана, его жесткая военная операция против сирийских курдов, важнейших союзников США в борьбе с ИГИЛ, и его покупка российских систем противоракетной обороны [Taspinar, O'Hanlon, 2020]. Однако они рекомендуют администрации Байдена наладить отношения США с Турцией, геостратегически важным союзником по НАТО, чье партнерство с Вашингтоном постепенно ухудшалось в последние несколько лет.

Некоторые аналитики утверждают, что членство Турции в НАТО ослабляет альянс, и это служит интересам России [Dampsey, 2017], другие высказывают предположения об исключении Турции из альянса, несмотря на то, что не существует механизма, с помощью которого член НАТО может быть исключен или даже приостановлен [Nilsu, 2018].

Еще одно ключевое фундаментальное различие проявляется в различных представлениях США и Турции о том, как *должна выглядеть «перезагрузка» в отношениях*. Для новой администрации США Дж. Байдена, которая делает упор на укрепление союзов, институтов и либерального международного порядка, перезагрузка будет означать, что Турция должна изменить курс в своих отношениях с Россией и Китаем, в частности, отказаться от систем С-400 и вернуться в лоно НАТО и Запада.

С другой стороны, для правительства Эрдогана перезагрузка означает, что США согласятся с новой геополитической реальностью, с новой ролью Турции в широком изменении международных дел. Это означало бы, что Анкара ни в коем случае не изменит курс в отношении России и Китая. Другими словами, по мере того, как конкуренция великих держав продолжает накаляться, США будут стремиться к большей солидарности со своими союзниками, и ожидать большей сплоченности и солидарности со стороны западного блока, в то время как *Турция считает, что ее лучший способ заключается в установлении баланса между различными державами*.

Эта означает, что Турция, очевидно, откажется от прежних концептуальных инструментов,

таких как стратегический альянс или модельное партнерство, для определения двусторонних отношений. Такие концептуальные рамки создают разрыв между ожиданиями и реальностью, что, в свою очередь, вызывает еще большее разочарование в двухсторонних отношениях. Безопасность и геополитические приоритеты обеих сторон значительно расходятся.

На данном этапе есть ограниченные возможности для прогресса по вышеупомянутым пяти основным разногласиям в отношениях между США и Турцией. Вряд ли в ближайшее время будет найдена взаимоприемлемая формула для систем С-400, и этот вопрос станет долговременным раздражителем в отношениях.

Что касается Восточного Средиземноморья, то в лучшем случае кризис можно заморозить, что означает начало двусторонних переговоров между Турцией и Грецией и отказ обеих сторон от отправки кораблей в оспариваемые воды для разведки. Кроме того, в Восточном Средиземноморье мы, вероятно, увидим усиление координации политики между США и Европой [Marquina, 2019].

Какими бы сложными не были двухсторонние отношения сейчас, они могут быть намного хуже. Поэтому вместо того, чтобы противостоять Анкаре с помощью силовой дипломатии, в США высказываются мнения, что администрация Дж.Байдена должна предложить Турции условную перезагрузку. Хотя поддержка США сирийских курдов всегда была направлена против Исламского государства, Турция считает, что Вашингтон поддерживает курдскую автономию и возможную государственность на севере Сирии. Поэтому перезагрузка турецко-американских отношений в Сирии потребует серьезных дипломатических усилий с обеих сторон.

Заключение

Будущее американо-турецких отношений может зависеть от ряда факторов, в том числе:

- вводит ли Турция свою российскую систему С-400 в рабочее состояние и рассматривает ли дополнительные закупки российского оружия;
- как различные региональные кризисы (Сирия, Ливия, Нагорный Карабах, Восточный Средиземноморские споры с Грецией и Кипром) разворачиваются и влияют на отношения с ключевыми игроками (включая США, Россию, Китай, Европейский Союз, Израиль, Иран и суннитские арабские государства);
- может ли Турция проецировать силу и создавать свою собственную сферу влияния, используя военно-экономическое сотрудничество (включая оборонный экспорт);
- способен ли президент Эрдоган сохранять широкий контроль над страной, учитывая его экономические проблемы и проблемы с правами человека.

Действия США в отношении Турции могут иметь последствия для двусторонних отношений, военно-политических возможностей США в регионе, а также для стратегической ориентации и финансового благополучия Турции. Например, действия США в ответ на приобретение Турцией С-400 могут повлиять на отношения США с другими ключевыми партнерами, которые приобрели или могут приобрести современное вооружение у России, включая Индию, Египет, Саудовскую Аравию и Катар.

Эти действия могут включать в себя определение условий продажи оружия, введение санкций против СААТSA, оценку вариантов базирования США/НАТО и балансировку отношений с Турцией и ее региональными соперниками.

В нынешнем политическом климате США и Турция вряд ли смогут разрешить какие-либо

из своих основных спорных вопросов. Это, в свою очередь, означает, что они должны вкладывать время и энергию в управление кризисами, а не в решение кризисов, чтобы избежать разрыва отношений. Очевидно, что такое качественное изменение характера отношений потребует нового концептуального подхода для турецко-американских отношений.

Библиография

1. Аватков В.А. Турция сегодня. Ключевые тенденции в политическом курсе // Свободная мысль. 2019. № 2 (1674). С. 141-146.
2. Олейников А. Турецкий капкан. Питер, 2016. 288с.
3. Хлопов О.А. Военные аспекты энергетической безопасности: опыт США // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 1А. С. 83-91.
4. Albright M.K., Hadle S.J., Cook S. A.. U.S.-Turkey Relations: A New Partnership: Independent Task Force Report. Council on Foreign Relations Press. May 15. 2012
5. Beyoghlow K. Turkey and the United States on the Brink: Implications for NATO and the US-Turkish Strategic and Military Partnership. Department of Defense (DOD). Kindle Edition. 2020.
6. Dempsey . J “Judy Assks: Is Turkey Weakening NATO?” // Strategic Europe, Carnegie Endowment for International Peace. September 20, 2017.
7. Flanagan S.J., Larrabee F.S., Binnendijk A. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. RAND Corporation. 2020.
8. Flanagan S.J., Turkey’s Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army, RAND Corporation. 2020.
9. Kardaş Ş.. Turkey: A Regional Power Facing a Changing International System. Turkish Studies, 2013. № 14(4). Pp. 637–660.
10. Kadir U. "U.S.-Turkey Relations Endure Despite Crises // Insight Turkey. 2020. № 22,(2). Pp. 23-32.
11. Marquina A. NATO’S Southern Flank and the Threat of Disruption // Journal of Transatlantic Studies. 2019, № 17, Pp. 223–237.
12. Nilsu G. The NATO/US-Turkey-Russia Strategic Triangle: Challenges Ahead // Center for International & Security Studies. U. Maryland, 2018.- URL: www.jstor.org/stable/resrep17001 (дата обращения 15.01.20121).
13. Parlar D. E. Conceptualising and Testing the “Emerging Regional Power” of Turkey in the Shifting International Order. Third World Quarterly. 2016. № 37(8) Pp. 1425–1453.
14. Pierini M. How Far Can Turkey Challenge NATO and the EU in 2020? / Carnegie Europe, January 29. 2020.
15. Prothero M. Turkey’s Erdogan has been humiliating Putin all year — here's how he did it // Business Insider. October 22. 2020.
16. Snyder X. Beyond Incirlik // Geopolitical Futures. April 19. 2019. Trev Taşpınar O., O'Hanlon M. Repairing the Rift with Turkey // The National Interest.
17. November 16, 2020. - URL: <https://nationalinterest.org/feature/repairing-rift-turkey-172725> (дата обращения 16.01.20121).
18. Tithick J. “Docs Show US to Massively Expand Footprint at Jordanian Air Base amid Spats with Turkey, Iraq // The Drive. January 14. 2019.
19. U.S. Secretary of State Nominee Blinken Sys «Turkey not Acting Like an Ally» // Reuter January 20, 2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-state-turkey/us-secretary-of-state-nominee-calls-nato-ally-turkey-a-so-called-strategic-partner-idUSKBN29O2OM> (дата обращения 17.01.20121).

The problems of security and cooperation between the United States and Turkey

Oleg A. Khlopov

PhD in Political Science, Associate Professor of American Studies,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Oleg A. Khlopov

Abstract

The article examines the contradictions in US-Turkish relations in the context of Turkey's growing regional influence and geopolitical changes in the world. The United States underlines the importance of Turkey as a strategic partner for NATO. Several specific actions by Turkey have raised questions about Turkey's commitment to NATO and overall strategic orientation. In 2019 Turkey's invasion into northeastern Syria and the purchase of Russian components for S-400 air defense system brought bilateral tensions to crisis levels. Events in Syria and the attempted coup d'état in Turkey in 2016 forced Turkish President Erdogan to act more independently from the United States and forge closer ties with Russia. The strategies, goals and policies of the United States and Turkey have recently diverged.

The author argues that the geopolitical and socio-economic changes in Turkey indicate the departure from the pro-Western vector of Turkey's foreign and domestic policy. In the context of the growing influence of China, Russia and other countries, the United States are trying to create conditions for establishing a balance of power against the rapidly growing East, and they want to see Turkey, as before, as their strategic partner.

For citation

Khlopov O.A. (2021) Problemy bezopasnosti i sotrudnichestva mezhdu SShA i Turtsiei [The problems of security and cooperation between the United States and Turkey]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (1A), pp. 95-106. DOI: 10.34670/AR.2021.20.74.010

Keywords

Regional security, international relations, competition, USA, Turkey, Russia.

References

1. Avatkov V.A. Turkey today. Key trends in the political course // Free thought. 2019. No. 2 (1674). S. 141-146.
2. Oleinikov A. Turkish trap. Peter, 2016.288s.
3. Khlopov O.A. Military Aspects of Energy Security: US Experience // Theories and Problems of Political Research. 2020. Volume 9. No. 1A. S. 83-91.
4. Albright M.K., Hadle S.J., Cook S. A.. U.S.-Turkey Relations: A New Partnership: Independent Task Force Report. Council on Foreign Relations Press. May 15. 2012
5. Beyoghlow K.Turkey and the United States on the Brink: Implications for NATO and the US-Turkish Strategic and Military Partnership. Department of Defense (DOD). Kindle Edition. 2020.
6. Dempsey . J “Judy Assks: Is Turkey Weakening NATO?” // Strategic Europe, Carnegie Endowment for International Peace. September 20, 2017.
7. Flanagan S.J., Larrabee F.S., Binnendijk A.Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. RAND Corporation. 2020.
8. Flanagan S.J., Turkey’s Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army, RAND Corporation. 2020.
9. Kardaş Ş..Turkey: A Regional Power Facing a Changing International System. Turkish Studies, 2013. № 14(4). Pp. 637–660.
10. Kadir U. "U.S.-Turkey Relations Endure Despite Crises // Insight Turkey. 2020. № 22,(2). Pp. 23-32.
11. Marquina A. NATO’S Southern Flank and the Threat of Disruption // Journal of Transatlantic Studies. 2019, № 17, Pp. 223–237.
12. Nilsu G. The NATO/US-Turkey-Russia Strategic Triangle: Challenges Ahead // Center for International & Security Studies. U. Maryland, 2018.- URL: www.jstor.org/stable/resrep17001 (accessed 15.01.20121).
13. Parlar D. E. Conceptualising and Testing the “Emerging Regional Power” of Turkey in the Shifting International Order. Third World Quarterly. 2016. № 37(8) Pp. 1425–1453.
14. Pierini M. How Far Can Turkey Challenge NATO and the EU in 2020? / Carnegie Europe, January 29. 2020.
15. Prothero M. Turkey’s Erdogan has been humiliating Putin all year — here's how he did it // Business Insider. October

22. 2020.
16. Snyder X. Beyond Incirlik // Geopolitical Futures. April 19. 2019.
17. Trev Taşpınar O., O'Hanlon M. Repairing the Rift with Turkey // The National Interest. November 16, 2020. - URL: <https://nationalinterest.org/feature/repairing-rift-turkey-172725> (accessed 16.01.2021).
18. Tithick J. "Docs Show US to Massively Expand Footprint at Jordanian Air Base amid Spats with Turkey, Iraq // The Drive. January 14. 2019.
19. U.S. Secretary of State Nominee Blinken Says «Turkey not Acting Like an Ally» // Reuter January 20, 2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-state-turkey/us-secretary-of-state-nominee-calls-nato-ally-turkey-a-so-called-strategic-partner-idUSKBN29O2OM> (accessed 17.01.2021).